

Одоевский Владимир Федорович

Русские ночи

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В57

В57 **Владимир Федорович О.**
Русские ночи / Одоевский Владимир Федорович – М.: Книга по Требованию,
2022. – 442 с.

ISBN 978-5-521-26146-8

ISBN 978-5-521-26146-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

«Русскія ночи» были задуманы кн. В. Θ. Одоевскимъ еще въ 20-хъ годахъ прошлаго вѣка. Отдѣльныя части ихъ были напечатаны въ 30-хъ годахъ. Въ полномъ видѣ онѣ появились въ 1-омъ томѣ «Собранія сочиненій», вышедшемъ въ 1844 году и скоро сдѣлавшемся библіографическою рѣдкостью. Кн. Одоевскій подготавливалъ новое изданіе, но оно не появилось за его смертью. Для него онъ написалъ нѣсколько проектовъ предисловія и свое «примѣчаніе» къ Русскимъ ночамъ. Сохранились они въ бумагахъ князя, хранящихся въ Имп. Публичной Библіотекѣ. Мы извлекли изъ нихъ одинъ вариантъ, какъ болѣе полный, предисловія и сказанное примѣчаніе къ Русскимъ ночамъ. Для 2-го изданія кн. Одоевскій сдѣлалъ въ печатномъ экземплярѣ на вклеенныхъ листахъ поправки и дополненія. Предъ нами былъ сложный вопросъ: просто ли перепечатать Русскія ночи по изданію 1844 года, приведа поправки и дополненія въ примѣчаніяхъ, или внести послѣднія въ текстъ. Мы избрали послѣдній путь. Пришлось считаться и съ очевиднымъ желаніемъ автора переиздать Русскія ночи исправленными и дополненными. Поправки носятъ характеръ стилистическій и корректурный. Дополненія же не нарушаютъ общаго

ПРЕДИСЛОВІЕ (*).

Самое затруднительное для писателя дѣло: говорить о самомъ себѣ. Тутъ напрасны всѣ оговорки и всѣ возможные риторическія предосторожности; его непремѣнно обвиняютъ или въ самолюбіи, или, что еще хуже, въ ложномъ смиреніи; нѣтъ определенной черты между тѣмъ и другимъ, или, по крайней мѣрѣ, трудно отыскать ее. Остается послѣдовать примѣру Сервантеса, который началъ одну изъ своихъ книгъ слѣдующими словами: «Я знаю, любезный читатель, что тебѣ нѣтъ никакой нужды читать мое предисловіе, но мнѣ очень нужно, чтобы ты прочелъ его».—Такое откровенное объясненіе, кажется, миритъ всѣ противорѣчія.

Мои сочиненія въ первый разъ были собраны и изданы въ 1844 году. Какъ извѣстно, въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ ихъ уже не было въ книжной торговлѣ, и скоро они сдѣлались библіографическою

(*) Предисловіе было написано авторомъ для подготавливавшегося имъ, но не осуществленнаго собранія сочиненій.

рѣдкостью. Меня часто спрашивали: отчего я не приступаю къ новому изданію? отчего я не пишу, или, по крайней мѣрѣ, ничего не печатаю? и проч. т. п. Спрашивать у сочинителя о такихъ *домашнихъ* обстоятельствахъ почти то же, что спрашивать у Мусульманина о здоровьи его жены. Но хорошо, когда дѣло ограничивается одними вопросами; худо, когда появляются отвѣты,—помимо настоящаго отвѣтчика; хорошо и то, когда эти отвѣты только нелѣпы; худо, когда подчасъ эти отвѣты несообразны ни съ вашимъ взглядомъ на вещи, ни съ вашими правилами.

Покусившійся хоть разъ, какъ говорилось въ старину, *передать* себя тисненію,—съ той самой минуты становится публичною собственностью, которую всякій можетъ *трактовать*, какъ ему угодно. Но этотъ *трактаментъ* не только даетъ право публичному человѣку, но даже налагаетъ на него обязанность когда-нибудь публично же и объяснить.

Дѣло очень простое: въ 1845 году я намѣренъ былъ предпринять новое изданіе моихъ сочиненій, исправить ихъ, пополнить и проч. т. п., какъ бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. Но въ началѣ слѣдующаго года (1846) на меня пало одно дѣло; друзья мои знаютъ—какое (говорить о немъ для

публики было бы еще рано); они также хорошо знают, какого рода занятій и какой упорной борьбы оно требовало. Этому дѣлу, въ теченіе девяти лѣтъ, я принесъ въ жертву—все, что я могъ принести: трудъ и любовь; эти девять лѣтъ поглотили мою литературную дѣятельность всю безъ остатка. Признаюсь, я объ этомъ не жалѣю; но естественно не могу быть равнодушенъ, если другіе о томъ жалѣютъ.

Затѣмъ, не легко,—всякій это знаетъ,—послѣ долгаго отсутствія, воротясь на прежнее пепелище, связать настоящее съ давнопрошедшимъ, концы съ концами. Въ эту минуту нѣкоторое раздумье неизбѣжно.

Между тѣмъ, пока я былъ *на сторонѣ*, добрые люди воспользовались тѣмъ, что моя книга сдѣлалась библіографическою рѣдкостью, и втихомолку принялись таскать изъ нея, что кому пришлось по его художеству; иные—на основаніи литературнаго обычая, т.-е. заимствовались съ большою тонкостію и съ разными прикрытіями, иные съ меньшими церемоніями просто вставляли въ мои сочиненія другія имена дѣйствующихъ лицъ, измѣняли время и мѣсто дѣйствія и выдавали за свое; нашлись и такіе, которые безъ дальнѣйшихъ околичностей брали, наприм., мою повѣсть всю цѣликомъ, назы-

вали ее, наприм., біографією и подписывали подъ нею свое имя. Такихъ курьезныхъ произведеній довольно бродить по свѣту.—Я долго не протестовалъ противъ подобныхъ *заимствованій*, частію потому, что я просто не зналъ многихъ изъ нихъ, а частію потому, что мнѣ казался довольно забавнымъ этотъ особый родъ новаго изданія моихъ сочиненій. Лишь въ 1859 году я счелъ нужнымъ предостеречь нѣкоторыхъ господъ о возможномъ слѣдствіи ихъ безцеремонныхъ продѣлокъ (*).

Есть наконецъ люди, которые къ ремеслу невиннаго заимствованія присоединяють и другое: приписывать извѣстному лицу, называя его по имени, нелѣпости собственнаго издѣлія, даже обставляя ихъ рачительно, во избѣжаніе всякаго сомнѣнія, вводными знаками. Такую продѣлку позволило себѣ одно изданіе..., о которомъ не позволю себѣ

(*) „Въ..... Спб. Вѣдомостей. При семъ случаѣ я не могу не выразить моей благодарности гг. издателямъ, которые въ..... Вѣдомостей обличили одинъ изъ такихъ подлоговъ, безъ чего можетъ быть я его бы и не замѣтилъ.—Въ такихъ случаяхъ всѣ добросовѣстные литераторы должны помогать другъ другу—здѣсь дѣло общей литературной безопасности. Какое бы даже ни было, оно мое; нѣтъ ничего утѣшительнаго видѣть, что его уродуютъ. Такими поступками, независимо отъ ихъ житейскаго значенія, оскорбляется художественное чувство, лучшее достояніе писателя.

теперь говорить, ибо оно прекратилось; да и самъ издатель, человѣкъ имѣвшій довольно странное понятіе о житейскихъ условіяхъ, но человѣкъ не безъ дарованій, уже не существуетъ. *De mortuis seu bene, seu nihil*. Но тѣмъ не менѣе считаемъ долгомъ огласить въ общемъ видѣ такое ребяческое забвеніе и подтвердить наше оглашеніе прямыми указаніями.

Итакъ, участь моей книги была слѣдующая: изъ нея таскали, взятое уродовали, и на нее клепали; а для большинства повѣрить эти продѣлки было не на чемъ.

Сопряженіе всѣхъ этихъ причинъ, имѣющихъ важное значеніе для человѣка, свято сознающаго права и обязанности литератора,—заставило меня приступить къ новому изданію моихъ сочиненій.

Я полагалъ въ нихъ многое исправить, многое передѣлать, но вскорѣ убѣдился, что такое дѣло—невозможно. Семнадцать лѣтъ — есть почти половина дѣятельной жизни. Въ такой періодъ времени многое передумалось, многое забылось, многое наплыло вновь—нѣтъ возможности попасть въ тотъ ладъ, съ котораго началъ; камертонъ измѣнился; и внутренняя жизнь и внѣшняя среда—другія; всякая передѣлка будетъ не живымъ органическимъ произведеніемъ, но механическою приставкою. И

сверхъ того: наши ли—наши мысли даже въ минуту ихъ зарожденія? Не суть ли онѣ въ насъ живая химическая переработка началъ внѣшнихъ и разнородныхъ: духа эпохи вообще и среды, въ которой мы живемъ, впечатлѣній дѣтства, бесѣды съ современниками, историческихъ событій,—словомъ всего, что насъ окружаетъ?... Трудно отдѣлиться отъ семьи, отъ народа—еще труднѣе; отъ человѣчества—вовсе невозможно; каждый человѣкъ волею или неволею—его представитель, особливо человѣкъ пишущій; большой или малый талантъ—все равно; между нимъ и человѣчествомъ устанавливается электрическій токъ,—слабый или сильный, смотря по представителю,—но непрерывный, неутолимый. Съ этой точки зрѣнія человѣческое слово, при его проявленіи въ данномъ народѣ и въ известномъ моментѣ, есть историческій фактъ, болѣе или менѣе важный, но уже не принадлежащій такъ называемому сочинителю; если въ немъ это слово тогда неудачно выговорилось, если онъ не созналъ опредѣлительно своего представительства, то виноватъ онъ самъ и долженъ нести за то отвѣтственность; послѣ договаривать уже поздно: стрѣлка двинулась на часахъ міра, два раза рожденія не бываетъ.

Эта книга является въ томъ самомъ видѣ, какъ

она была издана въ 1844 году; я позволилъ себѣ исправить лишь нѣкоторыя, слишкомъ явные промахи (не всѣ!), пополнить вольныя и невольныя пропуски, ввести нѣкоторыя статьи, при первомъ изданіи забытыя, нѣкоторыя новыя, и наконецъ присоединить особо примѣчанія, которыя, сколько мнѣ кажется, могутъ имѣть нѣкоторое историческое значеніе. Dixi.

Р. S. Публика такое существо, съ которымъ никогда нельзя вдоволь наговориться. Особенно эта невольная болтливость является послѣ долгой жизни, въ продолженіе которой накопилось на голову дюжины съ двѣ всякой напраслины. Оправдать себя отъ напраслины есть право всякаго,—но для публичнаго человѣка, литератора, такое оправданіе есть даже обязанность. Меня вообще обвиняютъ въ какомъ-то энциклопедизмѣ, хотя я никогда еще не могъ хорошенько выразумѣть: что это за звѣрь? Это слово можно понимать въ разныхъ смыслахъ: если человѣкъ хватается то за то, то за другое, такъ, зря, на авось, когда его дѣятельность разорвана, и чрезъ нее не прошло живой, органической связи—должно ли называть его энциклопедистомъ?—Наоборотъ, если одно дѣло вырастаетъ изъ другого

органическимъ путемъ, какъ изъ корня вырастаетъ листъ, изъ листа цвѣтокъ, изъ цвѣтка плодъ—будетъ ли такая исторія также энциклопедизмомъ?— Въ первомъ, что бы ни говорили, я не грѣшенъ; я *хватаюсь* за весьма небольшое,—но правда *придерживаюсь* за все,—что попадется подъ руку. Этому искусству научила меня жизнь; рассказъ объ этомъ процессѣ можетъ быть не останется безъ пользы для новаго поколѣнія.—Моя юность протекла въ ту эпоху, когда метафизика была такою же общео атмосферою, какъ пынь политическихъ науки. Мы вѣрили въ возможность такой абсолютной теоріи, посредствомъ которой возможно было бы строить (мы говорили — конструировать) всѣ явленія Природы, точно такъ, какъ теперь вѣрятъ въ возможность такой соціальной формы, которая бы вполне удовлетворяла всѣмъ потребностямъ человѣка; можетъ быть, и дѣйствительно, и такая теорія, и такая форма и будутъ когда-нибудь найдены, но *ab posse ad esse consequentia non valet*. — Какъ бы то ни было, но тогда вся природа, вся жизнь человѣка казалась намъ довольно ясною, и мы немножко свысока посматривали на физиковъ, на химиковъ, на утилитаристовъ, которые рылись въ *грубой матеріи*. Изъ естественныхъ наукъ лишь одна намъ казалась достойною вниманія любо-